

Марина Куликова
В пламени амбиций

Марина Куликова

В пламени амбиций

«Издательские решения»

Куликова М.

В пламени амбиций / М. Куликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902561-6

Разве думала Елена, единственная дочь своей бедной матери, что она — законная наследница владельца местной фабрики, богатого купца Григория Фомина? Лишь на смертном одре мать раскрыла страшную тайну ее происхождения. Отныне вся жизнь Елены подчинена цели восстановления справедливости. Но любовь, старая добрая любовь, вносит свои коррективы в амбициозные планы девушки.

ISBN 978-5-44-902561-6

© Куликова М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

В пламени амбиций

Марина Куликова

© Марина Куликова, 2018

ISBN 978-5-4490-2561-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В полутьме крохотной комнатухи слышались лишь стоны и охания роженицы да тихий шорох, создаваемый действиями повивальной бабки.

– Потерпи, потерпи, скоро уже... – тихим голосом ободряла подопечную повитуха.

Долгожданный крик младенца заполнил все пространство и без того небольшой комнатухи. Принимая новорожденного, повитуха прошептала: «Не я тебя, младенец, принимала, не я тебя омывала, а бабушка Соломея, не я тебя мыла, не я тебя парила, а бабушка Соломея, она тебе приговаривала: «Расти, мое дитяtko, по часам, по минуточкам».¹

– Кто? – с придыханием спросила роженица.

– Девочка у тебя, девочка, – ответила довольная завершением родов повитуха.

Новорожденную положили на вывернутый наизнанку овчинный тулуп, что, согласно поверьям, сулило ей богатую жизнь.

– Пусть живет богато и счастливо, – без сил прошептала новоиспеченная мать, – *его* ребенок должен жить достойно. Это *его* ребенок, *его*.

По щекам женщины заструились горькие слезы.

– Ну-ка, что это такое! – приструнила подопечную повитуха, – Девочка – то какая крепенькая! Такие, вырастая, преодолевают любые трудности!

Но роженица будто и не слышала этих лестных слов. Все ее мысли были обращены в полное несбывшихся надеж прошлое.

Фабрика Григория Алексеевича Фомина располагалась на месте бывшей дворянской усадьбы. Не получая доходов от барщины и разоряясь, бывший владелец имения вынужден был продать свое родовое гнездо, а новый владелец – богатый купец, ныне покойный отец Григория Алексеевича, вдохнул жизнь в усадьбу, организовав на ее месте фабрику.

Располагалась фабрика на левом берегу запруженной речки Крижи, в местности холмистой и овражистой с глинистым грунтом.

Со временем фабрика разрасталась. Вскоре она насчитывала двадцать семь зданий различного назначения: кирпичных, бревенчатых и тесовых. Два здания были трехэтажные, кирпичные, в одном располагался самоткацкий цех, в другом котельная. В единственном четырехэтажном здании первый этаж занимала так называемая материальная, второй служил слесарной мастерской, на третьем располагались складские помещения, а на четвертом контора. Кроме того имелась печь для обжига кирпича и помещение для формирования сырца. Все кирпичные сооружения были построены из собственного кирпича, благо глины в окрестностях было предостаточно.

Фабрика Фомина работала круглогодично. Здесь вырабатывались плис, полубархат, люстри и другие бумажные и полушерстяные материи из тонкой пряжи, поставляемой с Невской бумагопрядильной мануфактуры. Работали на фабрике и мужчины, и женщины, и дети – жители, как деревни Фомина, так и близлежащих деревень.

¹ Такие действия совершала бабушка Соломея, которая, по народным преданьям, принимала Иисуса Христа.

Работала на фабрике Фомина и Елена. Туго им с матерью пришлось после смерти отца. Добротную избу, где они жили, занял брат отца, имеющий на тот момент большое семейство, а саму Елену с больной матерью выселил в маленький домик, расположенный неподалеку.

Для Елены настали непростые дни. Девушка разрывалась между тяжелобольной матерью и работой на фабрике.

Дни шли. Матери Елены становилось все хуже. Казалось, она смирилась с мыслью о неизбежно приближающейся смерти и теперь безропотно ждала ее, лежа в своей постели.

Ночью Елену разбудили громкие мученические стоны матери. Девушка тут же бросилась к ее постели.

– Матушка, милая!

– Елена, доченька, – очнулась от бреда больная. – Я знаю... смерть близка. Скоро я уйду.

– Не говори так, матушка! – взмолилась Елена. – Ты поправишься!

Но бледное лицо больной покрылось испариной, губы дрожали, а полуприкрытые веки скрывали теряющие блеск глаза.

– Доченька, ты должна знать... – прошептала умирающая. – Я поклялась открыть тебе тайну, что хранила все эти годы, только перед своей смертью. Ты – не дочь своего отца. Ты – дочь другого человека. Его зовут Фомин Григорий Алексеевич. Он хозяин фабрики, где ты работаешь. Давно, девятнадцать лет назад, приглянулась я сыну промышленника, который появился на наших землях и развернул строительство фабрики. Фабрика в то время только начинала работать. Я в то время была молода, стройна, красива. Особенно красивы были мои волосы – длинные, густые и блестящие. Трудно было меня не заметить. – Умирающая едва заметно улыбнулась тонкими сухими губами. Казалось, воспоминания о молодости вернули ей частичку сил. – Да, на свою погибель встретила я этого человека. Мы встречались два года. Он в то время женат был. Тяжело мне было, совесть мучила, но ничего поделать с собой я не могла. Уж больно любила я Григория. Мы вели тайную переписку, что добавляло в наши отношения остроты, от того они делались еще желаннее и забавнее. Но вскоре шутки кончились. Я забеременела. Я рассказала ему об этом. И вся его любовь ко мне мигом испарилась. Фомин спешно выдал меня замуж за одного из местных крестьян, того, кого ты до сегодняшнего дня считала отцом. Фомин испугался, ведь он был женат. Испугался, что отец лишит его наследства. Он приказал мне и моему мужу молчать. И мы молчали. А вскоре умерла его жена. Я знаю, он любил ее. По-своему. Так его наказал сам Бог. – Больная закашлялась и схватила Елену за руку. Ладонь ее была холодна как лед.

– Доченька... Приведи отца Иннокентия... Быстрее, прошу тебя...

Елена вскочила и помчалась в дом священника.

С утренней зарей больная отдала Богу душу.

Предсмертное признание матери лишило Елену покоя. Теперь иными глазами смотрела она на здания фабрики, дом и уголья промышленника Григория Фомина, понимая: частичка всего этого принадлежит по праву и ей.

Часами рассматривая отражение в зеркале, Елена находила в себе черты сходства с Фоминым: та же смуглая кожа, тот же овал лица и темные глаза миндалевидной формы.

«Как несправедлива жизнь!» – в ярости думала девушка. – «Мне, дочери Фомина, приходится влачить жалкое существование, вместо того, чтобы жить в большом удобном доме, работать на фабрике, вместо того, чтобы управлять ею вместе с... человеком, приходящемся мне настоящим отцом!»

Отныне девушка задалась целью: войти в семью Фомина на правах его дочери. Но сделать это было не так-то просто. Елена понимала, что явиться в дом промышленника и объявить себя его дочерью было бы сродни безумству. Последствия такого поступка нетрудно было представить. Нет, здесь следовало действовать хитростью.

После нескольких бессонных ночей, полных раздумий, Елена нашла единственное решение: замужество. У Григория Фомина был сын, известный в деревне и окрестностях повеса и любитель флирта, не пропускающий ни одной юбки. Старожилы говаривали, что эту черту характера он унаследовал от отца.

«Пусть он приходится мне сводным братом», – размышляла Елена, – «пусть у него репутация бабника, мне все равно. Главное для меня – это восстановить справедливость, стать членом семьи Фоминых, коюю я и являюсь по праву».

Девушка верила, что добьется своего. Рано или поздно. Всеми правдами и неправдами.

В течение нескольких месяцев Елена училась грамоте у местного священника, отца Иннокентия. С каждой ночью, проведенной над книгой, с каждой выведенной на бумаге буквой, росли ее амбиции, ее желание называться той, кем она была на самом деле: дочерью успешного промышленника Григория Фомина.

Холодным июньским утром Елена вошла в дом Фомина с черного хода. Найти экономку не составило труда: та вечно сидела в кладовой, подсчитывая запасы и решая, что стоит приобрести в скором времени.

– Я осталась сиротой и мне некуда пойти, – смиренно произнесла Елена, высказав приветствие, – я...

– Можешь не продолжать, мне и так все ясно! Ты ищешь работу в этом доме? Что ты умеешь? – умудренная опытом старая женщина сразу догадалась за чем пришла девушка.

– Я умею читать, писать и считать, – не без гордости ответила Елена. – Не гнушаюсь и черной работы.

Экономка задумалась. Елена с трепетом ждала ответа.

– Что ж, мне давно нужна помощница. Ты согласна на такую работу?

– О... конечно! Я согласна! – девушка с трудом сдерживала радость. О лучшем она и мечтать не смела.

– Но... – экономка смерила Елену критическим взглядом. – Твое платье не годится для работы в этом доме. Ведь порой ты будешь попадаться на глаза хозяевам. – Женщина покачала головой. – Послушай: я дам тебе денег и ты купишь ткань, потом съездишь в соседнюю деревню к портнихе и она сошьет тебе два платья. Как только они будут готовы – приступишь к работе. Только не выбирай яркие тона. Желательно темно-зеленый и коричневый.

Елена так и поступила. И пусть рекомендованные экономкой цвета не шли к ее темным волосам и смуглой коже, она была счастлива. Первый шаг на пути к цели был сделан.

Агафья, так звали экономку, оказалась женщиной строгой, прямолинейной, но в то же время и добродушной. Пребывание в полутемной и холодной кладовой сутки напролет сказало на ее здоровье: у нее был низкий скрипучий голос, она постоянно чихала и при том плохо видела. Первым делом Агафья показала Елене дом, в котором той предстояло работать.

Внешне дом Фомина представлял собой здание с портиками и фронтонами, а главным входом служил флигель – деревянный мезонин с полуциркульным окном и полукружием портика, поддерживающего балкон. В флигелю вела аккуратная подъездная аллея – особая гордость хозяина дома. Интерьеры дома имели богатое убранство в разных стилях, но в первую очередь в «русском». В комнатах со сводчатыми потолками располагались порталы «с гирьками», печи и камины с кафельной плиткой, стены были украшены лепниной и живописью, полы покрыты паркетом. Центр дома занимал просторный зал с колоннами и хорами для музыкантов.

– Здесь, в этом зале, проходят праздники и приемы, – рассказала Агафья. Голос ее звучным эхом отозвался где-то под потолком. – Бывает очень весело. Много гостей, все в нарядных, ярких костюмах, музыканты без устали играют свою музыку... А вот в обычные дни зал пустует. Кроме прислуги никто сюда не заходит. Холодно здесь в обычные дни, и зимой и летом холодно...

– Какой большой и красивый дом! – восторгалась Елена.

– Старайся больно-то по нему не бродить, чтобы не заблудиться и не попасть впросак перед хозяевами, – предостерегла старушка. – Хотя тебе и не будет в этом надобности. Кладовая да кухня – вот твой маршрут в этом доме.

Работы у Елены было много. Она постоянно что-то подсчитывала, вычисляла и записывала под диктовку Агафьи.

– Мои глаза отслужили свое, – часто приговаривала экономка. – И теперь я могу отдохнуть от бумажной работы.

– Скажи, Агафья, я буду представлена хозяевам? – между делом поинтересовалась однажды Елена.

– Ишь ты! Представлена хозяевам! – иронично усмехнулась Агафья. – Хозяевам, дорогая моя, достаточно знать меня. А ты лучше завяжи—ка волосы лентой. Негоже прислуге ходить с неубранными волосами, к тому же в кладовой, где хранятся припасы.

Но Елена думала иначе. «И все-таки хозяевам следуем познакомиться и со мной», – решила она.

Но скрыться от всевидящего ока пусть и подслеповатой экономки было не так-то просто. Однако Елена нашла выход. После обеда она явилась в кладовую с распущенными по плечам волосами.

– Я потеряла ленту, – пролепетала она в ответ на суровый взгляд Агафьи.

– Живо отправляйся в комнату! Убери волосы и возвращайся! Да побыстрее! У нас уйма дел!

На это девушка и рассчитывала.

Елена торопилась. Она поднялась на нужный этаж и остановилась в коридоре. Сердце ее бешено колотилось. Девушка медленно прошла вдоль дверей, ведущих в комнаты, и остановилась возле портрета Григория Фомина. «Этот человек – мой настоящий отец», – с трепетом подумала она. – «Но он никогда не признает этого добровольно».

– Вы очередная пассия моего отца? – вдруг послышалось за спиной.

Елена в смущении обернулась. Перед ней стоял высокий молодой человек, судя по всему, сын хозяина.

– Вы ошиблись, Андрей Григорьевич, – с достоинством ответила Елена. – Я помощница Агафьи, экономки.

– Гм... – молодой человек заложил руки за спину и внимательно присмотрелся к девушке.

Елене стало не по себе.

– Тогда что вы здесь делаете, позвольте поинтересоваться? Проводите ревизию предметов искусства?

– Я... я... знакомлюсь с хозяином, Григорием Алексеевичем!

– А вас самих... тебя как зовут?

– Елена Трифонова.

– Ну так вот, Елена... Общение с портретом тебе ничего не даст. Почему бы тебе, собственно, не... отужинать с нами сегодня? Там и познакомишься с Григорием Алексеевичем! – И Андрей весело хохотнул, до того забавной показалась ему эта идея.

Елена приняла предложение Андрея, хотя понимала: он просто-напросто смеется над ней.

Время ужина подошло незаметно.

Фомин старший был суров и немногословен. Сумасбродная идея сына посадить за господский стол служанку пришлась ему не по душе.

– Моему сыну свойственны нелепые поступки, – вот единственные слова, которые он произнес во время ужина.

Зато Андрей шутил и балагурил: его забавлял недовольный вид отца и смущение девушки, ее попытки вести себя подобно им, господам. Сама же Елена потеряла аппетит. Здесь, за столом хозяев, она была лишней и от того чувствовала себя не в своей тарелке.

Не прошло и четверти часа, как Фомин старший откланялся. Андрей и Елена остались за столом одни.

– Ты разглядывала моего отца, – подавшись к Елене, произнес молодой человек.

– Вовсе нет, Андрей Григорьевич.

– Я не слепой, Елена, я все замечаю! Ни одно твое движение не ускользнуло от моих глаз.

– К чему бы такое пристальное внимание к моей персоне?

– Тебе приглянулся мой батюшка? Вот умора!

Елена поднялась из-за стола.

– Я могу идти, Андрей Григорьевич?

– Нет, не можешь.

Девушка с удивлением взглянула на Андрея.

– Для тебя ужин не закончен. Мы продолжим. В моей комнате.

– Ч-что? – Елена неловко переступила с ноги на ногу.

– Ступай за мной!

Молодые люди вышли из столовой: Елена – ошарашенная и растерянная, Андрей – уверенный в своей власти и предвкушающий приятное продолжение вечера.

Едва молодые люди вошли в комнату, как Андрей схватил Елену за плечи и принялся покрывать ее шею поцелуями.

– Вы... вы... что вы делаете, Андрей Григорьевич? – возмутилась девушка. Она с трудом высвободилась из цепких объятий хозяйского сына.

– В чем дело? – Андрей явно не рассчитывал на сопротивление.

– Андрей Григорьевич, я понимаю ваши намерения. Но, к сожалению, не в силах вам помочь.

Елена заторопилась к двери, но Андрей загородил ей дорогу.

– Не прикидывайся наивной овечкой! – рассердился он. – Дав согласие на ужин со мной, ты наверняка догадывалась, на что идешь!

– Разрешите пройти!

– На что ты рассчитывала, когда шла за мной в эту комнату? На предложение руки и сердца?

– Предложение руки и сердца? – воодушевилась Елена. – Почему бы и нет?

Андрей ехидно расхохотался.

– Ну и дуреха! Да я никогда в жизни не женюсь на служанке! Так что не рассчитывай, дорогая!

Не сказав ни слова, Елена возобновила путь к двери, но Андрей схватил ее в охапку и швырнул на кровать. Завязалась борьба. Елена отчаянно сопротивлялась. Вдруг Андрей

громко вскрикнул и отпустил девушку. Из расцарапанной щеки его сочилась кровь. Елена же вскочила и ринулась прочь. Она помчалась по коридору, словно стрела, выпущенная из лука.

– Ты завтра же покинешь этот дом! – кричал Андрей ей вслед.

Елена была очень напугана.

Несмотря на поздний час, Елена ворвалась в комнату Агафьи и принялась тормошить ей.

– Что случилось? – недовольно проворчала старушка, протерев сонные глаза.

– Андрей Григорьевич грозит выгнать меня!

– Ну да, ведь ты отказала ему в продолжении ужина. – Экономка, казалось, вовсе и не была удивлена. – А ведь я предупреждала тебя, советовала отказаться от предложения Андрея. Ты знаешь, сколько служанок потеряли работу, отужинав с сыном хозяина?

– Но... почему ты не сказала мне об этом ранее?

– Я предпочла не вмешиваться. Кто знает, как повел бы себя Андрей? Эх... Молодость наивная...

– Агафья, что же мне делать? – Елена была в отчаянии. – Я не хочу уходить отсюда! Я нужна тебе, разве не так?

– Что верно-то верно. – Старуха откинулась на подушки и натянула на лицо одеяло. – Завтра я поговорю о тебе с хозяином, Григорием Алексеевичем. Ты иди, ложись... Иди...

К счастью для Елены, разговор Агафьи с хозяином дал положительный результат.

– Ты смысленная девушка, я так ему и сказала, – рассказывала позже экономка, – без тебя я как без рук. Трудно мне будет сыскать такую же, как ты. Да-да, именно так я и сказала, слово в слово!

– Ты и правда так считаешь? – улыбнулась Елена.

– А разве иначе пошла бы я к хозяину?

– О, Агафья, я так тебе благодарна! – девушка крепко обняла старушку.

– Ну, будет тебе...

Елена была довольна. Лишь мысли о конфликте с сыном Фомина омрачали её настроение.

Новость о том, что Елена ужинала с хозяевами быстро облетела дом. Кто-то смотрел на нее с завистью, кто-то с презрением, кто-то с любопытством. «Все они наверняка решили, что у нас с Андреем что-то было, раз я осталась в доме», – думала Елена. А случайно подслушанный за дверью кухни разговор, только подтвердил ее догадки:

– Думаю, помощница Агафьи не посмела отказать сыну хозяина.

– Да, ведь она ходит здесь, как ни в чем не бывало. Она, видимо, решила, что Андрей Григорьевич снимет с нее часть обязанностей.

– Насчет обязанностей не знаю, но кое-то другое он с нее точно снимет!

Елена была подавлена. Она чувствовала себя униженной, хотя никакой вины за собой не видела.

– Ты совсем сникла, Елена, – заметила Агафья, – да, в этом темной кладовой, с узким оконцем под потолком, здоровья, конечно, не наберешься. Вот что! Ступай-ка на кухню, посчитай ложки и вилки. За посудой нужен особый контроль: она сделана из серебра. Я считаю приборы каждую неделю. А теперь, коли у меня есть ты, будем делать это каждый день.

Агафья недаром беспокоилась за столовые приборы. Войдя в кухню, Елена застала возле буфета одну из молодых служанок с несколькими серебряными ложками в руках. Услышав звук хлопнувшей двери, служанка быстро бросила приборы обратно, в ящик буфета.

– Что ты делаешь? – заподозрила неладное Елена.

Но служанка, пропустив вопрос мимо ушей, быстро зашагала к выходу, пряча за спиной серую холщовую сумку. Елена не растерялась и на ходу схватила девушку за локоть. В результате сумка упала и перевернулась. На пол посыпались серебряные ложки и вилки.

– Ах вот что! – возмутилась Елена. – Ты воруеть?

– А что? – набросилась на Елену служанка. – Хозяева даже не заметят пропажи, а я выручу немного денег от их продажи!

– Верни приборы на место!

– Хочешь, я поделюсь с тобой половиной денег, вырученных от их продажи? – не сдавалась служанка.

– Ты слышала меня? Собери приборы и положи туда, где им место!

– Послушай-ка. Думаешь, коли переспала с хозяйским сынком, так теперь тебе все дозволено? – выкрикнула служанка.

– Как ты смеешь такое утверждать? – опешила Елена. – Ты ничего не знаешь!

– Да тут и знать нечего! Догадаться нетрудно. Тут глупых нет!

Елена с трудом сдерживала эмоции. Ей очень хотелось как следует проучить эту наглую девушку.

Ну шум начали собираться люди, служащие в доме. Девушка быстро смекнула как обернуть ситуацию в свою пользу и громко заголосила, указывая на Елену:

– Люди, посмотрите, она – воровка! Она украла столовые приборы хозяев, но тут пришла я и помешала ей унести их!

Пораженная столь откровенной наглостью, Елена потеряла дар речи.

В кухню вошла Агафья.

– О, Агафья! – продолжила девушка. – А твоя помощница, оказывается, человек с темной душкой! Она...

– Не нужно объяснений, – бросив взгляд на пол, прервала речь девушки экономка. – я и так все вижу.

– Агафья! – умоляюще воскликнула Елена. – Служанка утверждает, будто это я взяла столовые приборы! Но это неправда! Это ее вина! Она взяла приборы, а я попыталась ей помешать. И теперь она решила свалить всю вину на меня! Поверь мне, прошу тебя!

Елена чувствовала обращенные в свою сторону осуждающие взгляды и боялась, что и Агафья поверит словам наглой служанки.

– Выдумки! – фыркнула девушка. – Она просто выгораживает себя!

– И все-таки я бы больше поверил девушке, которую сейчас несправедливо обвиняют в краже. – Послышался четкий мужской голос. Говорящий, высокий мужчина примерно тридцати лет, вышел из толпы собравшихся и пояснил:

– Я своими глазами видел, как служанка вошла в кухню раньше, чем помощница Агафьи, кроме того, в руках ее была серая холщовая сумка. Думаю, дальше продолжать нет смысла. Коли вы не глупы, сами смекнете, чья здесь вина.

Толпа одобрительно зашумела.

– Действительно, Таисья, всем известен твой склочный нрав! – крикнула кухарка. – А сумка... Так каждый видел ее в твоих руках, да не раз!

– Эй, эй! – вскинула руки воровка. – Попридержите коней! Я взяла вилки и ложки, чтобы... почистить! Я хотела сделать это в саду, на свежем воздухе! Погода сегодня хорошая, грех в доме-то сидеть!

– Послушай, Таисья, – выступила Агафья. – Сию же минуту верни столовые приборы на место. И мы забудем о твоём гнусном поступке. Но если ты еще раз совершишь подобное, учти, пощады не будет. Сразу же покинешь дом!

Служанке ничего не оставалось как подчиниться. Когда серебряные ложки и вилки оказались в ящике буфета, люди разошлись по своим делам.

– Скажи, Агафья, а кто этот мужчина, который заступился за меня на кухне? – робко поинтересовалась Елена.

– Это пекарь, Егор. Отец его не так давно скончался и дела перешли к нему. – Поведала экономка. – Работу свою он знает, грех жаловаться. И немудрено, ведь помогал отцу в пекарне с самых ранних лет.

– Если бы не он, меня бы посчитали воровкой.

– Егор – человек справедливый, прямой. Многим девушкам он по нраву, но до сих пор холост.

– Я очень благодарна ему, – улыбнулась Елена. – Скажи, Агафья, ты и правда подумала, будто попытка стянуть столовые приборы – моих рук дело?

На морщинистом лице экономки появилась улыбка.

– Конечно нет, Елена. Эта служанка, Таисья, не в первый раз попадает на краже. Но она незаменима на кухне, потому до сих пор остается в доме. Все просто, Елена. Обладая недостатками, мы владеем и достоинствами. Все люди разные. Нужно уметь прощать, тогда простят и нас.

Елена с благодарностью обняла старушку. Но мысли ее были уже о другом.

Отныне Елена стала часто бывать на кухне, надеясь на встречу с Егором. Пекарь запал ей в душу, но она скрывала это даже от самой себя. «Я должна войти в семью Фоминых на правах дочери, – упрямо думала она. – Я выйду замуж за Андрея, но не стану ему женой в полном смысле этого слова».

Девушка сутками думала о том, как наладить отношения с сыном Фомина. Она не испытывала к нему никаких чувств, кроме отвращения, но амбиции, жажда справедливости, заставляли ее идти против самой себя. Елена не видела иного выхода, как отправиться к Андрею с «повинной».

Стоял вечер и в коридоре, где находились хозяйские комнаты, было темно. Затаив дыхание, Елена постучала в дверь Андрея. Ответом ей стала полная тишина. Выждав несколько минут, девушка постучала снова. Потом еще и еще. Ей так никто и не открыл.

Елена вздохнула, то ли с облегчением, то ли с сожалением, и направилась к себе. На лестнице она столкнулась с Григорием Фоминым. Хозяин окинул девушку суровым взглядом, едва заметно кивнул в ответ на ее учтивое приветствие и стремительно прошагал мимо. Елена проводила его взглядом, полным грусти. Ей не терпелось открыть ему правду о себе, но она понимала: еще слишком рано. Придет время и он все узнает. Все.

Утром Агафья разбудила Елену раньше положенного. Встревоженное лицо экономки напугало девушку.

– Что случилось, Агафья?

– Поднимайся, Елена, да поживей! Из шкатулки хозяина пропал золотой браслет, очень ценная вещь! Хозяин в ярости! Он обыскивает помещение для прислуги! Скоро будет и здесь! Одевайся скорее!

В доме царил переполох. Слышался топот ног, звук отодвигаемой мебели, хлопанье дверей, громкие голоса. Судя по всему, Фомин старший был в бешенстве.

– Что это за украшение, Агафья? – поинтересовалась Елена, вскакивая с кровати.

– Браслет принадлежал его жене, ныне покойной, – экономка быстро перекрестилась. – Хозяин очень этим браслетом дорожит. Боюсь представить, что будет с тем, кто стянул украшение. Одевайся живее, Елена, живее!

Торопливо натягивая платье, Елена случайно оторвала пуговицу.

– Вот непутевая! – рассердилась Агафья. – Сейчас посмотрю в комод. Там должны быть булавки.

Старушка заглянула в верхний ящик комода и... застыла от изумления.

– Ну же, Агафья! Не томи! Где булавки? – нервничала Елена.

Экономка медленно развернулась. В руке ее блеснул... золотой браслет хозяина.

– Что... это? – похолодела Елена.

– Пропавшее украшение, – пробормотала Агафья. – Я нашла его в ящике твоего комода...

– Не может быть! Я... я... не брала его, клянусь! Агафья, браслет мне подбросили! Кто-то в доме строит козни против меня!

– Ты понимаешь, что будет, если браслет обнаружат здесь? – испуганно прошептала старушка.

В коридоре послышался звук тяжелых шагов. Елена в растерянности обернулась на дверь. Фомин вот-вот должен был появиться.

– Елена, что же делать? – в ужасе прошептала Агафья. Браслет дрожал в ее руке, как осиновый лист.

Не найдя ничего лучшего, Елена стремительно шагнула к Агафье, вырвала браслет из ее рук и... швырнула его в раскрытое окно.

– Когда стемнеет, я найду браслет и верну его хозяину, разумеется, тайком! – быстро пояснила она.

Дверь с грохотом отворилась и на пороге показались отец и сын Фомины.

– Отец, я уверен, что ты найдешь браслет здесь! – нарочито громко провозгласил Андрей. – Ведь вчера вечером ты видел помощницу Агафьи возле двери своей комнаты, не так ли? Что же ей понадобилось там в такое время, как не твой браслет?

Григорий Фомин молча принялся за поиски. Когда очередь дошла до комода, лицо Андрея приобрело победное выражение. «Вот кто напакостил мне. – догадалась Елена. – Быть может и случай с Таисьей его рук дело».

Обыскав ящики комода и не найдя искомого, Григорий Фомин направился к двери, на ходу бросив сыну:

– Идем.

Андрей растерялся.

– Постой, отец. Ты уверен, что хорошо искал?

Но Фомин уже скрылся за дверью, оставив вопрос сына без ответа.

Не желая сдаваться без боя, Андрей бесцеремонно перерыл все ящики злосчастного комода. Не найдя искомого, он приказал Агафье оставить его наедине с Еленой.

– Где браслет? – со злостью в голосе спросил Андрей, едва за старушкой захлопнулась дверь.

– Не понимаю о чем вы. – С торжественной усмешкой ответила девушка.

– Все ты понимаешь, дорогая! Где золотой браслет моего отца? Отвечай!

– С чего вы решили, что мне известно, где он?

– Ты... ты... была вчера в коридоре, где располагаются наши комнаты! – все больше распалялся Андрей. – Мой отец видел тебя! Ты... шастала по комнатам в поисках ценных вещей, чтобы потом продать их!

– Не смейте оскорблять меня, Андрей Григорьевич! – возмутилась Елена.

– Где браслет, Елена, где? – Фомин младший схватил девушку за плечи и грубо встряхнул.

– Вы так уверены, что украшение у меня. Почему? Уж не потому ли, что сами подкинули его в мою комнату?

– Да, я хотел бы преподать тебе урок! Ты обыкновенная служанка, пусть и со смазливym личиком, а посмела отказать мне!

– Я честная девушка, Андрей Григорьевич! – вспыхнула Елена.

– Все вы честные до поры до времени.

– Послушайте, Андрей Григорьевич, что я вам скажу. – Решилась на дерзость Елена. – Если я приглянулась вам – женитесь!

В ответ Фомин младший громко расхохотался.

– Ты рехнулась!

Не прошло и минуты, как он громко хлопнул дверью.

– И все – таки ты женишься на мне, – сказала Елена в пустоту. – Не знаю каким образом, но я добыю своего. Добьюсь.

Когда за окном сгустились сумерки, Елена отправилась на поиски золотого браслета Фомина. Звездная июльская ночь еще хранила тепло прошедшего дня, но Елену била мелкая дрожь. Она осознавала, *что* будет, если ее поймают с браслетом в руках. Никто и слушать не станет ее объяснений. Следовало быть очень осторожной.

Оглядываясь, Елена обогнула спящий дом и оказалась на заднем дворе, поросшем густой травой и высокими кустарниками. Именно сюда выходило окно ее комнатухи.

Девушка воровато осмотрелась. Мертвую тишину, царившую в этом месте, нарушали лишь шум легкого ветерка, запутавшегося в кудрявых кронах деревьев, да конское ржание, изредка доносившееся из конюшни.

Держась стены, Елена добралась до места, куда выходило ее окно, и приступила к поискам. Непроглядная тьма осложняла дело. Встав на четвереньки и ощупывая едва ли не каждый сантиметр поросшей травой земли, Елена медленно продвигалась вперед. Острые ветки кустарников сорвали платок с ее головы, растрепали волосы и расцарапали руки, но все это было ничто по сравнению с тем, что браслет все еще не был найден. «Где же он?» – в панике думала девушка, обшаривая пяточок перед своим окном снова и снова. Вскоре силы ее иссякли. Елена тяжело вздохнула и закрыла лицо перепачканными в земле руками. Отчаяние овладело ей. Драгоценная вещь Фоминых бесследно исчезла и она, Елена, виновата в этом.

Где-то в темноте хрустнула сухая ветка. Тяжело дыша, Елена замерла в траве. Минуты напряженной тишины показались ей часами.

И тут раздался голос:

– Не это ли ты ищешь?

Елена испуганно обернулась. Сквозь темное покрывало ночи проступили неясные очертания мужской фигуры.

– Мне... знаком ваш голос, – промолвила девушка, поднимаясь с земли. – Кто вы?

Таинственный незнакомец подошел ближе. Тусклый свет луны осветил его лицо.

– Это вы? – удивилась Елена. – Егор?

– Не это ли ты ищешь? – повторил незнакомец и продемонстрировал Елене золотой браслет Фоминых. Драгоценные камни, украшающие браслет, причудливо переливались в серебристом лунном свете.

– Меня зовут Елена. – Улыбнулась девушка, поправляя растрепавшиеся во время поисков, волосы. – Твое же имя мне знакомо. Ты – Егор, пекарь, не так ли?

– Да, ты угадала. Меня зовут Егор, фамилия моя Сазонов. Я пекарь. – Открытость девушки покорила мужчину и он ответил ей тем же.

Елена осторожно вынула браслет из рук Егора.

– Как он оказался у тебя? – спросила она, пристально рассматривая украшение.

– Я бываю здесь каждое утро, – без утайки поведал пекарь. – Поставляю на кухню свежий хлеб. Сегодняшним утром я стал свидетелем переполоха. Оказалось, что накануне Фомин обнаружил пропажу дорогой вещи – золотого браслета. Выйдя на задний двор, чтобы забрать повозку, я случайно увидел, как из окна на первом этаже вылетел какой-то предмет. Это был тот самый пропавший браслет. Я подобрал украшение и хотел отнести Фомину, но увидел в окне, том самом из которого вылетел браслет, тебя. Я подумал, неспроста это. И решил дождаться тебя здесь, когда стемнеет. Я знал, что в светлое время суток ты на поиски браслета не решишься, боясь быть замеченной. Я оказался прав.

– И... давно ты здесь прячешься? – невольно покраснела девушка, вспомнив о том, как она ползала среди травы, отыскивая браслет.

– Я пришел на закате. К счастью, ждать пришлось недолго.

– Значит, ты видел, как я искала браслет? – пролепетала девушка.

– Это было изумительное зрелище! – улыбнулся Егор, складывая руки на груди.

– Потому ты и не обнаружил своего присутствия раньше? – съязвила Елена.

– Я должен был убедиться в том, что ты действительно занята поисками.

– Убедился?

Елене хотелось задеть Егора, обидеть его, в отместку за то, что тот стал свидетелем ее нелестного копания в траве.

– Елена, это ты украла у Фомина браслет? – прямо спросил Егор.

– Как бы не так! – оскорбилась девушка. – Считаешь, я способна на это?

– Я совсем не знаю тебя, чтобы строить догадки. Но я имею право задавать подобные вопросы, поскольку я нашел его.

– Этот браслет, Егор, мне подкинули. Да-да, именно так! Кто-то в доме хочет чтобы меня посчитали воровкой! Этот кто-то желает, чтобы я исчезла отсюда, да поскорей!

Елена осеклась под немигающим взглядом пекаря. Так на нее еще никто никогда не смотрел. Прямой мужской взгляд пронизывал насквозь, заставляя трепетать непокорное сердце. Елена словно увидела себя со стороны: горящие в гневе глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, приобрели более глубокий насыщенный цвет; покрывшееся легким румянцем лицо излучало свет непримиримости, а завершали образ бунтарки полуоткрытые в насмешке губы и темные как смоль волосы, рассыпавшиеся по плечам.

Елена интуитивно поняла: именно в этот момент Егор разглядел в ней женщину. Девушке стало вдруг не по себе: как известно, мужчины в порыве страсти способны на любые безумства, и ночь, когда все вокруг спали, могла бы сыграть им на руку.

– Большое спасибо, Егор, отныне я ваша должница, – запихивая браслет в лиф платья, скороговоркой выпалила Елена. Не дав Егору опомниться, она быстро зашагала прочь.

Прежде, чем обогнуть дом, девушка обернулась. Егор и не думал преследовать ее. Высокий силуэт его тонул в полутьме ночи, а потом и вовсе пропал из вида.

Елена вошла в комнату и замерла. Что-то здесь было не так. Она прислушалась. Дыхание! Легкое, почти невесомое, едва уловимое дыхание! Кто-то затаился в самом дальнем, самом темном углу ее комнаты!

– Кто здесь? – не сдвигаясь с места, громко спросила девушка.

Заскрипели половицы и на фоне окна, сквозь которое струился мягкий лунный свет, обозначилась фигура человека. Елена вскрикнула.

– Тише, всю прислугу распугаешь, – послышался знакомый голос.

– Андрей Григорьевич? – выдохнула Елена.

– Тот самый.

– Вы напугали меня. Что вы здесь делаете?

- Я пришел за тем, что принадлежит нашей семье по праву.
- О, пожалуйста, можно без пафоса? Я вас не понимаю.
- Понимаешь, дорогая, понимаешь.
- По-моему, вы ошиблись дверью. Я всего-навсего помощница экономки.
- А ведешь себя хозяйка.

«А разве это не так?» – подумала Елена. Но раскрывать карты было еще слишком рано, да и не к месту.

– Говорите яснее, Андрей Григорьевич. Уже глубокая ночь, а завтра мне рано вставать, впрочем, как и всегда.

- Бра-с-лет, – с противной улыбкой произнес Фомин младший. – Я пришел за ним.
- Вы все о том же? – усмехнулась Елена.
- Отец злой, как черт. Готов все вокруг разрушить, лишь бы отыскать украшение. –

В голосе Андрея прозвучали жалостливые нотки.

- Его гнев коснулся и вас? Сожалею.

Андрей зажег свечу.

- Ты слишком дерзка в темноте, – сказал он при этом.

При свете Елене и правда стало неуютно. Прямой взгляд нежеланного гостя вводил ее в смятение. Андрей же, поняв состояние девушки, почувствовал себя хозяином положения.

Свеча озарила не только лица молодых людей, но и царивший в комнатухе беспорядок. Ящики комода были выдвинуты, вещи разбросаны по полу, постель перевернута.

- Что это? – возмутилась девушка. – Вы, что, искали браслет?

– И не нашел...

– Вы издеваетесь? Как вы посмели рыться в моих вещах? – Елена едва сдерживала негодование.

- Послушай! Ты забываешься! Я – хозяин этого дома! Где браслет?

– У меня его нет! – со злостью выкрикнула девушка.

Андрей схватил Елену за ворот платья и что есть силы рванул ткань. Все произошло так стремительно, что Елена не успела ничего предпринять в свою защиту. Золотой браслет, звеня и сверкая, покатился по дощатому полу и остановился у ног Андрея. Тот с победной ухмылкой поднял украшение и поднес его к глазам.

- Слава Богу, все камни на месте! – вздохнул он с облегчением.

– Каков солдафон! – ярости Елены не было предела. – Вы испортили мне платье!

– Теперь ты в моей власти, Елена! – неприятно рассмеялся нежеланный гость. – Ты понимаешь, что я могу объявить тебя воровкой, прямо сейчас, в этот поздний час?

- Да как вы смеете! Разве не вы сами подбросили браслет в мою комнату?

– Тебе не поверят, ха-ха!

Елена запахнулась в обрывки платья и в бессилии опустилась на стул.

– Вы полагаете, Андрей Григорьевич, – сказала она, – что я брошусь вам в ноги, моля о пощаде? Этого не будет! Вы прекрасно знаете, что я ни в чем не виновата!

- Допустим, бросаться в ноги не надо. Нужно лишь... провести ночь в моей постели.

– Вы знаете мое мнение на этот счет. Женитесь – и я буду ваша.

– Опять ты о своем! – разозлился Андрей. – Мой ответ: никогда!

– Уходите, прошу вас! Нам с вами не о чем говорить.

– Ты не боишься? Твоя репутация может пострадать.

– Если моя репутация будет испорчена, – твердо вымолвила девушка, – ваша тоже пострадает. Уж я постараюсь, уверяю вас!

– Хорошо, я не стану рассказывать о происшедшем между нами, – подумав, сдался Андрей. – Но учти, разговор не окончен. Твое упрямство раздражает меня все сильнее.

– Позвольте напоследок задать вам один вопрос. Это вы подбросили браслет в мою комнату?

Андрей не стал отпираться.

– Я хотел проучить тебя. Преподать тебе урок. Шутки со мной плохи, дорогая. Запомни это.

Наконец, Андрей ушел. А Елена не спала еще несколько часов, наводя порядок в комнате, а потом чиня платье. Шов следовало сделать очень аккуратным, почти незаметным, чтобы Агафья ничего не заподозрила. Елена не хотела, чтобы кто-либо догадался о неприязни, возникшей между ней и хозяйским сыном. Никто не должен был догадаться.

Весь последующий день Елена провела как на иголках. Она боялась, что Андрей передумает и расскажет о том, каким образом нашелся злосчастный браслет его отца. И даже обрывки разговоров, такие как: «...хозяин нынче в добром расположении духа. Утром открыл шкапу, а браслет его на месте, будто и не пропал совсем...» и «...да, вещь хотя и маленькая, а наделала столько шума. Хорошо, что нашлась, а то иначе что бы тут с нами было?», не утешали ее.

Но прошел день, следующий, потом еще один, и история с браслетом будто бы забылась. Наконец-то Елена могла вздохнуть спокойно.

Было двадцатое число и Агафья объявила, что пришла пора спуститься в подвал, чтобы посчитать бочонки с вином.

Подвал встретил посетительниц сырым и холодным воздухом. Было темно и Агафья поспешила зажечь фонарь.

– Не люблю я бывать тут, – проскрипела старушка. – Темно, холодно. Жуть одолевает.

– Какая ты фантазерка, Агафья! Что страшного в этом подвале? Подвал как подвал.

– Раньше, когда я спускалась сюда, то брала с собой кого-нибудь из кухонных девушек.

А теперь у меня есть ты. Одна бы ни за что не пошла!

Экономка зажгла факелы, прикрепленные к стенам, и в помещении сразу стало веселее.

– Ух ты, какой просторный подвал! – воскликнула девушка. Голос ее отозвался эхом где-то в глубине помещения.

– Прежний-то хозяин, дворянин, славился гостеприимством. – Пояснила Агафья. – От того и подвал такой большой, что вина в нем хранилось немерено.

– И где же оно? Уж не в сундуках ли возле стены напротив? – хихикнула Елена.

– Э, нет! – махнула рукой старушка. – Иди за мной. А в сундуках барахло всякое, то, чего хозяину уж и не нужно больше.

– Тогда почему бы не раздать все это беднякам?

– Ох, Елена, эти старые вещи хранят память о былом времени. Хозяин не станет, как он выражается, выносить сор из избы. Вот и доживают свой век все эти вещи, в холодном подвале, никому не нужные.

Бочонки с вином хранились в небольшом закутке, сооруженном в самой глубине подвала. Под руководством Агафьи Елена быстро их пересчитала и записала полученный результат в толстую амбарную книгу.

– Все как всегда, – с удовлетворением констатировала экономка. Она еще несколько минут повозилась возле бочонков, проверяя, не протекают ли они, после чего с довольным видом сообщила, что пора возвращаться наверх.

Елена покинула подвал с непонятным чувством тревоги. Возможно, все дело было в старых сундуках, хранивших, по словам Агафьи, памятные для Фомина вещи. Что же это были за вещи?

Елену разбудил стук в окно. Зевая и потирая глаза, она взглянула на часы. Было пять утра.

Стук повторился. Потом еще и еще. «Должно быть, деревенские мальчишки балуются, – решила Елена, – ну сейчас я им задам! И как только они не боятся попасться на глаза Фомину? Для них и сам черт не страшен!» Елена резко одернула занавески, ожидая увидеть бросившихся наутек мальчишек, но увидела... Егора!

Егор! С недавних пор Елена часто думала о нем.

Девушка улыбнулась, приветственно махнула рукой и бросилась приводить себя в порядок. Но когда, радостная и вдохновенная, она выбежала во двор, тот оказался пуст.

– Ты не видела пекаря? – спросила Елена у пожилой служанки, кормившей кур.

– Ушел он, да совсем недавно. Если успеешь, может быть и догонишь его. – И женщина едва заметно усмехнулась, решив, видимо, что Елена – одна из тех многочисленных девушек, что мечтают выйти замуж за молодого пекаря.

Елене ничего не оставалось, как вернуться в дом.

Следующим утром история повторилась. Повторилась она и в следующие два дня. «Что за игру затеял Егор? – недоумевала Елена, озираясь по сторонам в пустом дворе, – какие цели он преследует?»

Утром очередного дня девушка подкараулила Егора под своим окном. Застанный врасплох, пекарь был немало смущен.

– А вот и я, Егор! – мило улыбнулась Елена. – В последнее время твое поведение кажется мне более чем странным. Ты стучишь в мое окно в Бог знает какую рань, а стоит мне выйти во двор – тебя уже и след простыл. Это игра, скажи на милость?

– Прости, но стук в окно был способом поздороваться с тобой, – сказал в свое оправдание Егор. – Я и не думал, что ты станешь выходить во двор. Прости, я не хотел побеспокоить тебя.

Елена почувствовала себя неловко. «Значит, игры Егора – лишь плод моего воображения», – краснея, подумала она.

– Знаешь, Елена, мне очень приятно начать день со встречи с тобой, – постарался загладить возникшую неловкость Егор, – позволь пригласить тебя на небольшую утреннюю прогулку.

– Но скоро встанет Агафья, и если меня не будет...

– О, это ненадолго, уверяю тебя! Мы вернемся раньше, чем она проснется!

– Хорошо! – согласилась Елена. Егор симпатизировал ей, а прогулка была бы неплохим способом узнать его поближе.

Молодые люди вышли со двора и неспешно зашагали по широкой пыльной дороге.

Несмотря на ранний час, жизнь в деревне кипела. Пастух погонял медленно бредущий скот, женщины с коромыслами на плечах несли с колодца воду, босоногие мальчишки с гиканьями гонялись друг за другом, рабочие, и мужчины, и женщины, торопились на фабрику Фомина.

Припекало. В траве активно стрекотали кузнечики. Ожидался ясный, солнечный день.

– Куда мы идем? – поинтересовалась Елена.

– Я бы хотел показать тебе пекарню.

– О, это просто чудесно!

Вскоре молодые люди свернули к воротам, ведущим во двор, где располагалась пекарня и дом Егора.

Вслед за Егором Елена вошла в здание пекарни. Здесь было темно, – узкие окна под потолком пропускали мало солнечного света, – и жарко. Пахло свежееиспеченным хлебом.

Взору девушки предстала жаровая печь и работник, тут же разбирающий вязанку дров; возле деревянных досок, предназначенных для расстойки теста, сутился один из помощников Егора, другие же были заняты у железных листов, служащих для выпечки листового товара. Вдоль свободной стены пекарни расположился производственный инвентарь: несколько квашен, ящики, лопаты и деревянные чаши для расстойки теста.

– Мы работали всю ночь, – сквозь шум произнес Егор, – к утру следовало выпечь свежий хлеб. Еще мы производим сдобу и калачи. Ты, должно быть, уже пробовала наши калачи?

Елена кивнула. Глаза ее горели. Еще бы: не каждый день выдается побывать в святой святых: самом центре хлебопечения деревни Фомина.

– Мой дед, – начал рассказ Егор, – бывший крепостной из деревни Кабаново Калужской губернии Тарусского уезда. Здесь же он занимался выпечкой и продажей пирогов с различной начинкой, а затем и калачей. Моему же отцу, его сыну, досталась уже пекарня. Отец немного расширил ассортимент и улучшил качество нашей хлебобулочной продукции. Наши сайки, выпекаются на соломе и это придает им приятный вкус и запах, калачи же мы печем на отрубях. Еще я планирую выработать больше пряников: медовых, сахарных, фигурных...

Егор угостил Елену свежеспеченным хлебом и калачом, и Елена отметила, что не пробовала раньше ничего вкуснее. Егор был польщен. Найдя в Елене благодарного слушателя, он с воодушевлением раскрывал перед ней тайны хлебопечения, делился планами и даже интересовался ее мнением.

Молодой пекарь подкупал Елену горячей любовью к своему делу и стремлением угодить простому люду. Кроме того, по мнению девушки, Егор был весьма привлекательным молодым человеком, неглупым и трезвомыслящим.

С Егором Елена чувствовала себя легко и непринужденно. Ей вдруг очень захотелось понравиться ему.

Прогулка с пекарем оставила в душе Елены самые яркие впечатления и породила радужные мечты. «Но мечтам этим так и суждено остаться мечтами. – С болью в сердце размышляла девушка. – Моя цель – Андрей. Я должна войти в семью Фомина как его дочь, которой я и являюсь. Как жаль, что нет другого способа, чтобы воплотить цель в жизнь. Как жаль...»

Все это время Елена ни на минуту не забывала о сундуках в подвале. Что они хранили? Покрытое пылью прошлое или просто ставшие непригодными вещи, которые жаль выкинуть?

Девушку жгло любопытство. Она твердо решила найти ответы на свои вопросы. Но для этого следовало раздобыть ключи от «всего в доме», которые Агафья носила в одной связке. Экономка не расставалась с ними ни на минуту. Чтобы добиться своего, Елене вновь пришлось прибегнуть к хитрости.

– Послушай, Агафья, – напустив на себя озабоченный вид, сказала Елена. – Как же потемнели ключи в твоей связке!

– Немудрено, ведь им уже много лет! Служат они хорошо – и это главное.

– Так дело не годится! Разреши мне почистить их.

– Да ну, еще чего выдумала!

– Ох, Агафья, мне в последнее время что-то плохо спится. Вместо того, чтобы маяться от бессонницы, я могла бы сделать доброе дело: почистить твои ключи.

– Хорошо, хорошо, – сдалась старушка, – можешь взять связку вечером.

Так Елена завладела ключами.

Дождавшись глубокой ночи, Елена спустилась в подвал. Фонарь, который она прихватила с собой, едва освещал все вокруг. Сгустившаяся по углам тьма делала помещение жутким

и девушка поспешила зажечь настенные факелы. Яркий огонь озарил подвал и заветные сундуки. Елена устремилась к ним.

Сундуки были заперты на совершенно одинаковые висячие замки. Скорее всего, ключ, подходящий к ним, был в связке один. Перебирая нанизанные на металлический браслет ключи, Елена принялась искать нужный. Прошло около четверти часа, прежде чем ей это удалось.

Вскрыв замок, Елена медленно откинула тяжелую крышку сундука. Старые книги с пожелтевшими ссохшимися страницами, фарфоровые чашки с отбитыми ручками, поцарапанный самовар и прочая, пришедшая в негодность кухонная утварь, – вот и все, что нашла девушка в первом сундуке. Второй сундук был до отказа набит старой, изношенной одеждой, пахнувшей сыростью и пылью. На дне сундука оборотной стороной вверх лежала картина в раме. «Похоже, мое воображение слишком бурно разыгралось, – с разочарованием подумала Елена. – И правда, какие сокровища могут хранить эти старые забытые сундуки? Конечно, всякий ненужный хлам. А я, как всегда, напридумывала себе Бог весть знает что». Со вздохом сожаления, она подняла картину, повернула ее изображением к себе и... обомлела. С полотна, загадочно улыбаясь, смотрела... ее мать, Наталья Трифонова! Вскрикнув, Елена выронила портрет из рук. Но, быстро оправившись от шока, она подняла его и внимательно рассмотрела. Кисть художника запечатлела мать Елены в период молодости: глаза изображенной лучились счастьем, губы замерли в искренней, немного загадочной, улыбке, роскошные волосы, собранные в длинные косы, покоились на узких плечах. Судя по всему, портрет был сделан давным-давно: краски потускнели, кое-где облупились, кое-где потрескались.

Елена догадалась, что портрет был сделан по заказу Фомина. «Может быть, он и правда любил мою мать и хотел любоваться ею денно и нощно, но это ничуть не оправдывает поступков, совершенных им в дальнейшем» – подумала девушка. В ворохе сваленной рядом с сундуком старой одежды, Елена отыскала платье, в котором ее мать позировала перед художником. Оно было холодным и влажным и, как показалось Елене, пахло прошлым.

Чувства Елены захлестнула волна обиды и негодования. Фомин избавился от портрета и платья некогда любимой женщины, как от ненужного мусора, похоронил их в холодном подвале на дне сундука! Неужели он полагал, что таким образом сотрет из памяти события своей жизни? «Что ж, придется мне напомнить ему о том, о чем он предпочитает не вспоминать». – Решила Елена. Она спешно запихнула вещи в сундуки, оставив лишь платье и портрет матери, и уже собралась было уходить, как... услышала за дверью подвала звук приближающихся шагов! Елена застыла, зажав в руках вещи матери.

Возле двери шаги замерли. Елена судорожно гадала, успеет ли она погасить факелы на стенах, пока этот «некто» за дверью раздумывает, войти ему в подвал или же нет. Но время было упущено. Елена с ужасом ждала разоблачения. Но неизвестный в подвал не вошел. Потоптавшись возле двери, он ушел: Елена отчетливо слышала звук удаляющихся шагов.

Девушка быстро затушила факелы и крадучись, вышла из подвала.

Остаток ночи она провела за чисткой ключей Агафьи, думая при этом о матери и строя планы мести Фомину.

Елена пряталась в глубине коридора, в котором располагались комнаты хозяев. Царившая здесь полутьма играла ей на руку.

Становилось все темнее: вечер плавно переходил в ночь. Пришла утомившаяся за день служанка и зажгла свечи, но стоило ей уйти, как Елена тут же затушила их. Коридор снова погрузился в тьму.

Наконец, на лестнице послышались тяжелые шаги – это Фомин старший вернулся с фабрики.

Елена застыла в напряжении. За время ожидания глаза ее привыкли к темноте, потому она хорошо видела, как хозяин замер перед своей дверью, на которой красовался портрет Натальи Трифоновой, его бывшей любовницы. Девушка догадывалась, какие чувства он испытывает. Суеверный ужас, недоумение, может быть, и злость. Оцепенение его длилось недолго. Фомин сорвал портрет женщины с двери и скрылся в комнате. Не прошло и минуты, как он выбежал в коридор, сжимая в руках старое женское платье.

– Что это еще за напасть? – крикнул он в пустоту и помчался вниз.

Елена была довольна. Все произошло именно так, как она ожидала. Да, это она украсила дверь Фомина портретом матери и разложила ее платье на его кровати. Наверняка эти вещи заставили его вспомнить далекое прошлое, а вместе с тем и нерадивые поступки, которые он совершил. Пусть теперь помучается, соображая, откуда все это взялось.

Неслышно ступая, Елена спустилась в кладовую.

– Где ты была так долго? – накинулась на нее Агафья. – Тут такое произошло! Хозяин точно взбесился! Кричит, что его хотят свести с ума!

– Почему он так решил? – изобразила удивление девушка, а про себя подумала: «Поделом ему».

– Кто-то подбросил в его комнату женское платье, – громко прошептала экономка. – Бедные горничные трясутся от страха, ведь хозяин в первую очередь подумает на них.

– Платье? – переспросила Елена. – Он так и сказал: платье?

– Хозяин размахивал им из стороны в сторону и кричал, что найдет того, кто вздумал с ним шутки шутить. Выглядел он, честно сказать, и правда, как сумасшедший.

– Может быть, это дело рук... потусторонних сил? Дом большой, старый, кто знает, что здесь есть...

– Вот еще, выдумала! – скептически усмехнулась Агафья. – Давай-ка, заканчивай работу, да спать! Ночь уж на дворе. И забудь эту историю с платьем. Хозяин не любит тех, кто помнит о нелепостях, происшедших с ним.

Ночью Елена долго не могла заснуть. «Почему Фомин умолчал о портрете? – размышляла она. – Быть может, испугался сплетен?» Но одно девушке было ясно: Фомин помнил о ее матери. Но воспоминания эти, судя по всему, были ему неприятны.

Скандалная история, происшедшая с Фоминым, забылась довольно быстро. Зная о нелегком характере хозяина, слуги предпочли не говорить об этом. Жизнь в доме вошла в привычное русло.

Не могла смириться с этим только Елена. Ее возмущал тот факт, что Фомин умолчал о портрете на двери. Девушка решил повторить историю с ним.

Елена дождалась, когда Фомин уйдет на фабрику, – обычно он уходил из дома рано утром, – и под предлогом уборки, проникла в его комнату.

Портрет матери она нашла под кроватью, в самом дальнем углу. Судя по всему, Фомин с ним не церемонился. С трудом сдерживая слезы, Елена смахнула с портрета пыль.

– Матушка, – сказала она, – ты увидишь, справедливость восторжествует. Я обещаю тебе. Могла ли ты знать, позируя перед художником, такая молодая, красивая и любящая, что твой будущий портрет похоронят на дне сундука, а потом зашвырнут под кровать? Ты продолжаешь улыбаться с холста, а тебя отвергли, и при жизни, и после смерти...

Елена бережно расположила портрет матери среди подушек на кровати Фомина и была такова.

Но ожиданиям Елены не суждено было сбыться. Несомненно, появление портрета на кровати стало для Фомина неприятным сюрпризом, но он не стал выносить свои чувства на люди. Елена догадывалась о причинах такого поведения. Молчать Фомина заставлял страх. Страх вопросов и людских пересудов. Фомин не хотел вспоминать прошлое и не хотел, чтобы дру-

гие вспоминали. Иначе ему пришлось бы оправдываться и он не нашел бы подходящих слов. Правда на этот раз была не на его стороне.

Егор и Елена встречались почти каждое утро. Пекарь привозил свежий хлеб, Елена выбежала во двор, и молодые люди, гуляя по еще сырой с ночи траве, вели неспешные беседы. Она рассказывала друг другу о себе, о своих делах, делились суждениями о мире, о нравах молодых и старых... С каждым днем, с каждой встречей, Егор все больше притягивал Елену. Она испытывала к нему неподдельный интерес, теплые чувства, благодарность за дружбу... Девушка все чаще ловила себя на мысли, что думает о пекаре не как о просто хорошем друге, а как о привлекательном мужчине. Ей нравилось это новое, щемящее сердце, чувство. Оно освещало ее жизнь, как луч солнца освещает пасмурное небо холодным осенним днем. Пробуждаясь, Елена вспоминала о Егоре, и на душе ее становилось радостно и светло.

Возвращаясь с очередной прогулки, на аллее Елена столкнулась с Андреем.

– Вижу, ты шашни завела с пекарем, – без обиняков отметил он.

– А вы следили за мной, Андрей Григорьевич?

– А тут и следить нечего, – фыркнул Андрей, – все об этом говорят. Молодушки против тебя ополчились, скажу я тебе.

– Что-то я ничего такого не слышала и не замечала.

– Все влюбленные подобны глухим и слепым.

– С чего вы взяли, что я влюблена?

– Пекарь – жених завидный. Статный, молодой...

– Но я вовсе не...

– А знаешь ли ты, что стоит мне попросить отца и он откажется от услуг пекаря? Плохие дни для него наступят, скажу я тебе. И виновата в этом будешь ты.

– Да как вы смеете, Андрей Григорьевич!

– Ты в силах спасти своего благоверного. Ночь в моей постели – и пекарь по-прежнему наш поставщик.

– Послушайте. Если я нужна вам – женитесь на мне.

– Ох... Если ты все еще не поняла, повторю: разговоры об этом бессмысленны. Я никогда не женюсь на служанке, слышишь?

Словно повинувшись неведомой силе, Елена схватила Андрея за плечи и поцеловала его в губы.

– О... – Фомин младший обнял девушку за талию, но та быстро отстранилась.

– Продолжение последует после свадьбы, – с ухмылкой сказала она.

– Ты же сама понимаешь, что твоя затея женить меня на себе – чистейший бред.

– Но почему? – Елена вдруг рассердилась. – Почему бред? Разве я – урод?

– Ты – служанка! Не нашего поля ягода.

«Неправда! – хотелось крикнуть Елене. – Я такая же дочь Фомина, как ты – его сын!»

– Но я красива, владею грамотой, разве не так?

– Дорогая, да будь ты моего круга, я бы женился на тебе прямо сейчас, – ехидно улыбнулся Андрей.

– Ну так сделайте же это! – в Елену будто бес вселился. Упрямство Андрея жутко раздражало ее. – Сделайте!

– Сумасшедшая! – с презрением бросил Андрей и быстро зашагал прочь.

Девушка закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Она злилась на себя за то, что не могла повлиять на хозяйского сына, злилась на весь мир за то, что он не хотел прогибаться под нее. Но она не теряла надежды, несмотря на затмившую разум ярость.

Егор и Елена так привыкли к совместным прогулкам, что теперь ни дня не могли без них прожить.

– Пойдем, я покажу тебе чудесный уголок природы, – предложил однажды Егор.

Молодые люди пересекли деревню, миновали здания фабрики и вошли в лес, густой и прохладный.

– Ты меня заинтриговал, Егорушка, – улыбнулась Елена.

– Скоро ты все увидишь, – с загадочной улыбкой пообещал пекарь.

Наконец, лес расступился и взорам молодых людей открылось чудесной красоты озеро: круглое, гладкое, словно зеркало, обрамленное покатыми берегами, поросшими соснами. От ярких солнечных бликов, пляшущих на невозмутимой глади озера, слепило глаза. Было тихо и безветренно.

– Какая красота! – восхитилась Елена. – Этот пейзаж достоин кисти художника!

– Я обнаружил это озеро, еще будучи мальчишкой. – Поведал Егор. – И с тех пор никому о нем не рассказывал. Хотя, теперь я полагаю, что кроме меня о нем знали и другие мальчишки. И каждый считал, что озеро – только его открытие. И в жаркие летние денечки мы тайком друг от друга бегали сюда купаться.

– Вода в озере, должно быть, теплая и свежая, – предположила Елена. – Так и манит искупаться!

– Почему бы и нет? – подхватил мысль пекарь. – Грех не искупаться в такую жару!

Он разулся, закатил штанины выше колена и, спустившись по покатоному склону, вошел в воду. Елена нерешительно последовала примеру Егора.

Вода действительно оказалась теплой и в то же время свежей. Приподняв подол платья, Елена с удовольствием вышагивала вдоль берега, находясь по щиколотку в воде. Егор же, смеясь и крича от восторга, купался в более глубоком месте.

– Елена! – позвал он. – Не робей! Иди сюда!

Елена в смущении улыбнулась. Конечно, Егор не прочь был увидеть ее в мокрой, прилипшей к телу, одежде. Он – мужчина, а она – красивая молодая девушка. Да, Елена понимала тайные желания Егора. Но она не была готова к столь стремительному развитию событий. Кроме того, близость с Егором, пусть и подсознательно желаемая, не входила в ее планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.